

Пролог

Таня с детства знала, что поместье бабушки хранит множество секретов. Как почти все здешние жители, она слышала о заброшенных туннелях, которые — по рассказам — проложены прямо под домом. Как почти все здешние дети, она провела немало дождливых дней, пытаясь найти ведущие туда потайные входы, но ничего не нашла и разочаровалась. К тому времени как ей исполнилось тринадцать лет, Таня давно потеряла надежду обнаружить хоть один туннель и начала сомневаться, существуют ли они в действительности.

В общем, когда книжный шкаф начал поворачиваться в стене, открывая узкую каменную лестницу, которая уходила в пахнущую плесенью тьму, это не повергло ее в изумление. Хотя не вызвало и долгожданного трепета восхищения, так как обстоятельства, приведшие к находке, сильно отличались от того, что она себе представляла.

Если бы кто-то из поместья проявлял должный интерес к происходящему, стало бы очевидно, что туннели уже некоторое время используются, чтобы попасть в дом. И используются кем-то, не имеющим к поместью ни малейшего отношения. Но никто не связывал разные факты и фактики, да и не уделял им отдельного внимания. Ни новостям, которые передавали по радио после похищения, ни странному шороху на старой лестнице для прислуги, раздававшемуся в глубокой ночи. Впрочем, ни один из этих фактов сам по себе ничего особенного не значил.

Теперь же, когда в пещере под домом Таня стояла лицом к лицу с незваной гостьей, все факты всплыли в ее памяти и сложились. Будто ключ вошел в замок и провернулся в скважине до щелчка. Она не знала, что именно ожидала найти здесь, однако точно не это.

Девушка была немногим старше ее самой — лет пятнадцать, не больше. Но зрелость и уверенность, читавшиеся в диковатых зеленых глазах, делали ее старше. О чем-то, безусловно, говорил и нож на ее бедре, но Таня заставляла себя не думать про это, а смотрела на крошечного ребенка на руках у незнакомки.

Ребенок глядел на нее не мигая. От того, что произошло дальше, желудок у Тани сжался от страха. Черты ребенка искажались и изменялись. Кончики ушей удлинились и заострились, кожа приобрела зеленоватый оттенок. Глаза, будто там разлились чернила, стали полностью

черными и пугающе мерцали. Преображения длились буквально мгновение, после чего жуткое зрелище исчезло, но Таня твердо знала, что она видела.

Знала это и рыжеволосая незваная гостя.

— Ты все видела, — прозвучал ее хриплый шепот.

Таня опустила взгляд на создание, что та держала в руках, и подавила крик.

— Не могу поверить, — пробормотала рыжеволосая. — Ты *видела*. Ты тоже видишь их.

В наступившей тишине показалось, что между ними мелькнуло понимание, когда девушка прошептала:

— У тебя есть второе зрение.

Таня вздрогнула.

— Что ты здесь делаешь с этим ребенком?

— Хороший вопрос, — ответила незнакомка. — Сядь, я расскажу свою историю. Уверена, тебе будет интересно.

Часть первая

1

Она знала об их присутствии еще до того, как проснулась.

Веки начали дрожать – верный признак того, что беда рядом. Это непрекращающееся трепетание и разбудило Таню. Она потихоньку открыла глаза под одеялом (любимая детская привычка укрываться с головой). Ей было неудобно, но положение менять не стоило – пошевелинешься, и сразу поймут, что не спишь.

Ужасно хотелось откинуть душное одеяло и ощутить дуновение мягкого летнего ветерка из окна. Таня попыталась убедить себя, что все приснилось, – может, их тут и нет. Но продолжала лежать неподвижно, потому что в глубине души знала: они здесь, – знала так же твердо, как и то, что лишь она способна видеть их.

Веки снова задрожали. Даже из своего укрытия она чувствовала, как воздух в комнате наполняется странной энергией. Чувствовала зем-

листую сырость прелых листьев, аромат грибов и спелых ягод. Это был их запах.

Тихий голос прорезал темноту:

— Она спит. Разбудить?

В своем убежище из одеяла и простыней Таня напряглась. Синяки еще не прошли с прошлого раза — ее щипали до черноты и резко тыкали пальцами под ребра, так что перехватывало дыхание.

— Она не спит. — Второй голос звучал холодно и сдержанно. — Притворяется. Но неважно. Мне так нравятся эти маленькие... *игры*.

Последние следы сонливости оставили ее. Никакого сомнения: в словах слышалась затаенная угроза. Таня приготовилась откинуть одеяло — но внезапно оно оказалось необычно тяжелым, становилось все тяжелее и все сильнее давило.

— Что происходит? Что вы делаете?

Она отчаянно пыталась спихнуть одеяло, которое обвилось вокруг нее будто кокон. Один пугающий миг дышать почти не получалось, но все же ей удалось освободиться и полной грудью вдохнуть прохладный ночной воздух. На несколько секунд Таня испытала облегчение, пока прямо перед своим лицом не заметила стеклянный плафон в форме звезды.

Внезапно Таня осознала, почему одеяло такое тяжелое. Она парила в воздухе, в пяти футах* над кроватью, и одеяло давило сверху.

* Фут — 30,48 см.

— Опустите меня!

Медленно, плохо управляя своими движениями, она попробовала повернуться боком. Одежда моментально соскользнула и упала на ковер, оставив Таню висеть в пижаме лицом вниз над кроватью. Теперь, не защищенная даже простыней, она чувствовала себя ужасно уязвимой. Смахнув волосы с лица, она обвела глазами комнату. Единственным живым существом, которое Таня увидела в темноте, был кот — нелепый пушистый серый перс, устроившийся клубком на подоконнике. Он приподнялся, окинул ее высокомерным взглядом, после чего отвернулся и снова спокойно задремал.

— Где вы? — Ее голос дрожал. — Покажитесь!

Рядом с кроватью раздался неприятный смех. Таня почувствовала, как ее рывком дернуло вперед, и, прежде чем успела сообразить, что происходит, совершила кувырок в воздухе, а за ним еще один... и еще.

— Прекратите! — Она ненавидела отчаяние, которое слышала в собственном голосе.

Кувырки закончились, ее ноги наконец коснулись твердой поверхности. Она стояла на потолке, головой вниз. Шторы странно колыхались на ветру. Таня отвела глаза, пытаясь успокоиться. Словно гравитация изменилась специально для нее одной: кровь не прилиwała к голове, пижама не задиралась, волосы свободно спадали по спине.

Побежденная, она села прямо на потолке. Вот почему они приходят среди ночи. Таня давно по-

няла. Ночью она полностью в их власти, ведь, случись что-то странное днем, у нее гораздо больше шансов выдать это за игру или какую-то шалость. Всего лишь одну «игру», одну «шалость» из многих.

Таня не помнила точно, когда впервые увидела их. Они были всегда. Она росла, шушукаясь с ними, как сама с собой, а родители наблюдали — вначале даже весело, потом обеспокоенно. С годами она научилась убедительно врать. Когда достигаешь определенного возраста, разговоры о волшебных существах перестают нравиться взрослым. Нет уже понимающих взглядов и ласковых улыбок, как в детстве. Таня не принимала это слишком близко к сердцу. Ведь люди не верят в то, чего не могут увидеть.

В последнее время в подобных историях все яснее прослеживалась мстительность. Одно дело — вырезать несколько колтунов после того, как причешешься заколдованной расческой, или заново сделать домашнее задание, которое загадочным образом было испорчено за ночь. Теперь все стало серьезно. Уже несколько месяцев Таня испытывала постоянно гложущее беспокойство, предчувствуя, что раньше или позже случится нечто плохое, с чем не удастся справиться. Сильнее всего она боялась, что все более странное поведение приведет ее на прием к психиатру.

Парить в воздухе было не лучшим вариантом. Если мама проснется и увидит, как она ходит по потолку, то вызовет даже не врача, а священника.

Таня попала в беду.

Рядом прокатилась волна холодного воздуха, и по щеке скользнуло крыло. Большая черная птица задела Танино плечо. Блестящие глаза моргнули, и птица превратилась – быстрее, чем тень исчезает на солнце, – в женщину немногим крупнее птицы. Изогнутый клюв пропал. Появились шелковистые черные волосы и розоватые кончики заостренных ушей. Платье из черных перьев, в котором была женщина, резко отделило ее кожу цвета слоновой кости.

– Рэйвен*, – прошептала Таня. Она смотрела, как из черного платья выпало перышко и медленно слетело на ковер.

Рэйвен не ответила, она встала у изножья кровати рядом с двумя маленькими фигурками: одна пухлая, с красным носом, другая – темнокожая, поджарая, настороженно застывшая. Оба существа пристально следили за Таней. Первым заговорил тот, что поменьше:

– Ты снова писала о нас.

У Тани вспыхнуло лицо.

– Я не... Гредин, я не писала.

Желтые глаза Гредина, поразительно ярко контрастирующие с лицом орехово-коричневого цвета, сверкнули:

– Это ты говорила и в прошлый раз. И до того.

Снаружи к открытому окну подплывал какой-то прямоугольный предмет, будто его гнало ве-

* Рэйвен (англ. *raven*) – ворон.

тром. Изящно миновал шторы, влетел в комнату и застыл перед Таниным растерянным лицом. Это была тетрадь, довольно новая, в хорошем состоянии, разве что испачканная. В тот день Таня закопала ее в саду под яблоней. Как же она сглупила.

— Твоя, полагаю? — осведомился Гредин.

— Никогда не видела ее раньше.

Пухлый человечек рядом с Гредином фыркнул.

— Ох, да ладно! Ты же не хочешь всю ночь провести на потолке? — Он погладил уменьшенное павлинье перо на своей шляпе и подкрутил потрепанные жидкие усы.

Перо завораживающе замерцало от прикосновения. Маленький толстяк выдернул перо из шляпы и взмахнул им.

Дневник сам собой раскрылся, вывалившийся оттуда комочек земли упал на Танину тапочку и рассыпался. Из тапочки раздалось приглушенное чихание, после чего оттуда выбралось четвертое и последнее существо, похожее на свинью и уродливое. Не без усилия хлопав облезлыми коричневыми крыльями, оно неуклюже взлетело и взгромоздилось на кровать. Уселось и принялось энергично чесаться, щедро осыпая одеяло линяющей шерстью и блохами, а затем невероятно широко зевнуло, потирая мордочку маленькими коричневыми лапками.

Как-то, когда Таня была гораздо меньше и ее родители еще не развелись, она мрачно надулась после материнского выговора.

— Не будь маленьким Мизхогом! — раздраженно бросила мама.

— А что такое Мизхог? — не выдержав, любопытствовала Таня.

— Противное свиноподобное существо с вечно несчастным видом, — ответила мама. — С такой недовольной гримасой ты выглядишь в точности как оно.

Это вспоминалось Тане каждый раз, когда она видела искусанное блохами коричневое создание. Его жалкий вид так соответствовал маминой выдумке, что в мыслях Таня всегда называла его Мизхогом. Если не считать блох и запаха мокрой псины, скромный Мизхог ничем особо не досаждал. Он никогда не разговаривал — по крайней мере, ни на одном понятном Тане языке, — был вечно голоден и имел привычку чесать пузико. В остальном, казалось, он был вполне доволен, посматривая на происходящее вокруг добрыми карими глазами — единственное в нем, что можно было бы назвать красивым. Теперь же, широко их раскрыв, он глядел на нее не мигая и издавая тихие сопящие звуки.

Дневник покачивался перед Таниным лицом. Она быстро перевела на него взгляд.

— Читай, — велел Гредин.

— Но я не могу, — сказала Таня, — здесь слишком темно.

Взгляд Гредина был тверд как кремьень. Страницы дневника замелькали, перелистываясь сами собой — назад и вперед, словно решая, на какой

из записей остановиться, и замерли на торопливо нацарапанных строчках ближе к концу тетради. Таня сразу узнала запись — она сделала ее меньше двух недель назад. Буквы сейчас различить почти не получалось — да что там, из-за слез, стоящих в глазах, зрение туманилось, в темноте даже свою руку было почти не разглядеть. И тут у Тани зашевелились волосы: со страниц зазвучал ее собственный голос. Не настолько громко, чтобы разбудить кого-нибудь, но вполне внятно и отчетливо. Доносившийся издали, он словно пробивался из-за пелены прошедших дней.

«Сегодня ночью они снова были тут. Почему я? Ненавижу их. НЕНАВИЖУ их...»

Мучительный кусок длился и длился, и Таня могла только с ужасом слушать свой голос — страница за страницей, — злой, огорченный, беспомощный.

Все это время они наблюдали за ней: Рэйвен — устало, Шляпа-с-Пером и Гредин — с каменными лицами, Мизхог — не очень заинтересованно, продолжая почесывать блохастый животик.

— Достаточно, — произнес Гредин, как показалось, целую вечность спустя.

Танин голос немедля оборвался, лишь страницы продолжали шуршать, будто их перелистывала чья-то невидимая рука. Каждое написанное слово постепенно бледнело и исчезало, будто чернила впитывались в промокательную бумагу.

Дневник упал на кровать, рассыпавшись в прах от удара.

— Ты ничего этим не добьешься. — Рэйвен указала на то, что осталось от дневника. — Только расстраиваешь себя сама.

— Кто-нибудь когда-нибудь мог прочитать, — с горечью сказала Таня, — и поверить мне...

— Правила просты, — напомнил Шляпа-с-Пером. — Ты никому не говоришь о нас. А попытаешься — мы снова накажем тебя.

Останки дневника зашуршали на кровати и, поднятые в воздух, как облако песка, вылетели из окна в ночь.

— Все. Как будто его и не было, — сказал Гредин. — Теперь он там, где розмарин растет у ручья, текущего в гору. Во владениях пикси.

— Не верю я ни в какой ручей, текущий в гору. — Таня мучительно переживала, что выставили на обозрение ее самые сокровенные мысли.

— Пикси — дикие создания, — продолжил Гредин. — Непредсказуемые. Даже опасные. Все, чего они касаются, искажается. И розмарин, известный своей способностью улучшать память, портится. Меняет свойства на противоположные.

Для пущего эффекта он сделал паузу. Таня осмотрительно не стала вновь перебивать.

— Итак, существуют люди, которые известны нам как знахари. Они осведомлены о свойствах всех трав и растений, в том числе розмарина. А розмарин, даже тот, что испортили пикси, годен кое для чего. В правильных пропорциях

он способен навсегда уничтожить воспоминания в разуме смертного, например память о прежней возлюбленной. Очень уместно при некоторых обстоятельствах. Но мы, как бы нам ни претило иметь какие-либо отношения с маленькими грязными пикси, тоже находим применение для этого волшебного растения. Оно крайне полезно, когда люди случайно натыкаются на наше царство и видят то, что им видеть не положено. Немного испорченного розмарина — и дело исправлено, а с человеком не происходит ничего дурного. Он будто просыпается после приятного сна, который совсем не запомнил. Но случалось, дозу подбирали неверно. И тогда все воспоминания человека стирались начисто. Вот так. — Гредин щелкнул пальцами, и Таня вздрогнула.

— Разумеется, обычно это по недосмотру, что происходит крайне редко, но иногда... всего лишь иногда... это используется в качестве последнего средства, чтобы заставить замолчать тех, кто молчать не хочет. Весьма плачевная судьба — бедолаги не могут вспомнить даже свое имя. Неприятная, но необходимая мера. В конце концов, о том, чего не помнишь, уже не рассказать.

Внезапно Таня ощутила вкус страха.

— Я больше не напишу о вас.

— Хорошо, — сказал Шляпа-с-Пером. — В противном случае это будет очень глупо с твоей стороны.

— Только ответьте мне на один вопрос. — Таня собрала всю свою решительность. — Не может

быть, чтобы я была одна такая. Я *знаю*, что я не единственная...

Взгляд Гредина заставил ее умолкнуть.

Спуск с потолка произошел неожиданно и стремительно. В падении Таня инстинктивно ухватилась за единственное, что было под рукой, – светильник в форме звезды. Раздался ужасный треск, когда провод натянулся под ее весом, а штукатурка вокруг начала отваливаться пластами размером с тарелку и, падая на пол, громко разбиваться. Лампочка выпала и брызнула осколками. Плафон-звезда выскользнул у Тани из рук и, ударившись о шкаф, разлетелся вдребезги. Рухнув на кровать и пытаясь отдышаться, Таня услышала скрип лестницы и тревожные шаги. Даже не поднимая глаз, она знала, что все уже исчезли, как делали всегда, – словно сухие листья, которые унес ветер. В комнату вбежала мама и так дернула ее за плечо, что Таня вскрикнула. Мама с отворачиванием разглядывала разгром в комнате.

– Мам... – прохрипела Таня, – мне... мне приснился кошмар... Прости...

Даже в блеклом свете луны Таня видела обреченность на лице мамы. Она отпустила Танино плечо, медленно села рядом на кровать и, сжав кулаки, надавила ими на закрытые глаза.

– Мам? – прошептала Таня и коснулась ее руки.

– Я устала, – тихо сказала мама. – Я измотана. Не знаю, что еще могу сделать. Я не справ-

ляюсь. Твои вечные попытки привлечь внимание... Я не справляюсь с тобой.

— Не надо, пожалуйста. Я буду вести себя хорошо, обещаю, я стану лучше!

Мама криво улыбнулась:

— Ты всегда обещаешь это. Я хочу верить... хочу помочь тебе, но не могу. И если не говорить со мной или с доктором...

— Мне не нужен доктор! А ты просто не поймешь!

— Да. Ты права, дорогая, я не понимаю тебя. Понимаю только, что я дошла до предела своих возможностей. — Мама замолчала и снова обвела глазами комнату. — Утром ты все уберешь. До последней соринки. А все поломанное и разбитое будешь возмещать из своих карманных денег, неважно, сколько это будет длиться. Чтобы больше такого не повторялось. Меня мутит от этого.

Таня посмотрела вниз и увидела, что в босой маминой ноге блестит осколок стекла. Опустившись на колени, она осторожно вытащила его. На месте пореза проступила темная капля крови. Мама никак не отреагировала. Встала и, сгорбившись, пошла к двери, наступая голыми ногами на хрустящее стекло, — совершенно безучастная.

— Мама?

Дверь спальни захлопнулась. Оставшись одна в темноте, Таня откинулась на кровать. Она была так потрясена, что не могла даже плакать.

Мамино лицо сказало все яснее всяких слов. Сколько раз ее предупреждали, сколько раз говорили о «последней капле, переполняющей чашу терпения»? И теперь, слушая приглушенные рыдания, доносившиеся из комнаты напротив, Таня понимала: сегодняшняя ночь стала для мамы той самой последней каплей.

2

Автомобиль медленно ехал по извилистой дороге меж золотых полей и зеленых деревьев. Листья и ветви сплетались над головой в плотный полог, сквозь который с трудом проникали лучи июльского солнца. Время от времени вдалеке мелькал фермерский дом или загон для скота, и, кроме этого, здесь, в самом сердце сельского Эссекса, смотреть было не на что. Улицы Лондона остались далеко позади.

Таня сидела сзади, холодно глядя в затылок матери.

— Просто не понимаю, почему я должна оставаться с ней. Как будто больше мне пожить негде.

— Да. Негде. — Мама коротко обернулась. Ее лицо, без единого следа макияжа, было бледным от недосыпания. — Мы обсуждали это сто раз.

— Почему я не могу просто поехать к папе?

— Ты знаешь почему. Он предупредил, что ближайшие месяцы работает в другом месте,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru